

Многодонная жизнь вне закона¹,
или
Еврейские «инкрустации» у Мандельштама
(заметки переводчика Осипа Мандельштама на иврит)

Петр Криксунов

Иерусалим, Израиль, peterkriksunov@gmail.com

Памяти Майи Каганской

Аннотация. В статье предлагается комментарий к ряду образов стихотворений О.Э. Мандельштама, восходящих, по мнению автора, напрямую к еврейским источникам: Торе, Талмудическим комментариям, иудейским похоронным и памятным молитвам, элементам синагогального отправления культа. Автор обнаруживает в стихах О.Э. Мандельштама акrostих слова «Тора», прямые цитаты из ежедневных молитв, надгробных слов и надписей. Это позволяет автору поставить вопрос о смысле обращения поэта к жене и будущей вдове Н.Я. Мандельштам.

Ключевые слова: Осип Мандельштам, Надежда Мандельштам, Тора, Талмуд, молитвы, мидраш, воронежские стихи

Для цитирования: Криксунов П. Многодонная жизнь вне закона, или Еврейские «инкрустации» у Мандельштама (заметки переводчика Осипа Мандельштама на иврит) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 6. С. 120–135. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-120-135

Multi-bottom life outside the law, or Jewish “inlays” by Mandelstam (notes of the translator of Osip Mandelstam in Hebrew)

Petr Kriksunov

Jerusalem, Israel, peterkriksunov@gmail.com

*In memory
of Maya Kaganskaya*

Abstract. The article offers a commentary on a number of images of poems by O.E. Mandelstam, ascending, according to the author, directly to Jewish sources: Torah, Talmudic commentaries, Jewish funeral and memorial prayers, elements of the synagogue worship. The author discovers in poems by O.E. Mandelstam the acrostic of the word “Torah” with direct quotes from Jewish daily prayers, funeral words and inscriptions. This allows the author to raise the question of the meaning of the poet’s appeal to his wife and future widow N.Ya. Mandelstam.

Keywords: Osip Mandelstam, Nadezhda Mandelstam, Torah, Talmud, prayers, midrash, Voronezh poems

For citation: Kriksunov, P. (2019), “Multi-bottom life outside the law, or Jewish ‘inlays’ by Mandelstam” (notes of the translator of Osip Mandelstam in Hebrew), *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6. pp. 120-135, DOI: 10.28995/2686-7249-2019-6-120-135

Некогда царь Соломон счел необходимым отметить, что «нить, скрученную втрое» разорвать трудно (Кофелет (Екклесиаст) 4:12)². Такой неразрывной, прихотливо витой нитью представляется тройственная суть поэтики Мандельштама. Мозги, по определению Клычкова и по собственному признанию Мандельштама, были у него еврейские, но стихи при этом – русские³. А символом его веры была тоска по мировой – точнее, западной! – культуре, по всем ее временам и периодам, от самых новых до древнейших, с упором на Средиземноморье, включая

² החוט המִשְׁלָשׁ לֹא בְמַהֲרָה יִפְתָּק (קהלת ד יב).

³ Кузин Б. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н. 192 письма к Б.С. Кузину. СПб.: ИНАПРЕСС. 1999. С. 174.

христианство. При всем при том на любой из отдельно заданных вопросов по такому тройственному единству нам придется ответить отрицательно. Был ли Мандельштам гражданином западной культуры, и только? Нет, не был. Только ли писал стихи по-русски, или был абсолютно русским поэтом? Нет, таким его не назовешь. Но, может, он был поэтом иудейским, как определила его когда-то Майя Каганская?⁴ Нет, к сожалению, тут тоже не получается, как бы ни хотелось. При всем при том каждая из нерасторжимых сторон этой тройственности несет свою любовь, свои глубины, свою историю, свою мощь, свое высокое достоинство – и все они сплетены воедино.

В силу известных обстоятельств сложилось так, что именно стержневая еврейская суть определенных стихов Мандельштама менее заметна (а подчас незаметна совсем!) читателю, малознакомому или вовсе не знакомому с еврейской традицией, ивритом, древней и новой историей евреев и классическими еврейскими текстами.

Но в самом ли деле «малейшее влияние юдаизма» переполняет всю мандельштамовскую поэзию так же, как крошка мускуса наполняет «весь дом»⁵? Больше нет, чем да, – но, одновременно и тотально, – «да» тоже, как это бывает у Мандельштама. В его случае иногда оказываются верны прямое и обратное утверждения одновременно. И еврейская «тема» у него все же стержневая.

Ниже приведем несколько ярких, временами неожиданных примеров, понимая, что составить цельную картину они изначально не могут, а способны лишь наметить некий общий пунктир. Некоторые из них известны и обсуждались в печати, но мы попытаемся их чуть-чуть углубить в нашем конкретном контексте. Правда, так или иначе, нам удастся чаще задавать вопросы, чем получать на них однозначные ответы.

⁴ Каганская стала первым исследователем, отдавшим должное «еврейской составляющей» поэтики Мандельштама. Ее статья называлась «Осип Мандельштам – поэт иудейский» (журнал «Сион». 1977. № 20; опубликована также в сборнике ее эссе [Каганская 2014, с. 229–247].

⁵ *Мандельштам О.* Указ. соч. Т. 1. С. 214.

1. Акrostих «ТОРА»

Цикл на смерть Андрея Белого занимает достойное место среди замечательнейших стихов Мандельштама. И, кажется, мало кто замечал, что в одном из вариантов к нему скрывается некий радикальный акrostих. А именно – слово ТОРА:

Толпы умов, влияний, впечатлений
Он перенес, как лишь могущий мог:
Рахиль глядела в зеркало явлений,
А Лия пела и плела венки. (Январь 1934)⁶

Казалось бы – чистая случайность? Где еще мы видели акrostихи у Мандельштама? Действительно, нигде. И ведь Тору он сам называет, как правило, Пятикнижием? Всюду, и в «Шуме времени»⁷, и в стихотворении «Я в львиный ров и в крепость погружен»⁸... Но ведь тут же еще оказались – вероятно, не просто по совпадению? – и библейские сестры Рахиль и Лия. Правда, Тарановский утверждает, что «эти два мандельштамовских образа не следует выводить прямо из Библии: М. их заимствовал из “Чистилища” Данте (XXVII, ст. 97–108)» [Тарановский 2000, с. 104], – и там же приводит соответствующие терцины в переводе Лозинского, которые прекрасно корреспондируют с мандельштамовским четверостишием. Но так ли уж категорично и совсем ни под каким видом «не следует» выводить эти образы именно из первоисточника – в свете указанного акrostиха?!

Ну хорошо, пусть через Данте (а вдруг еще и через Вяч. Иванова, что тоже отмечалось исследователями?). Но ведь от этого Лия и Рахиль не перестают быть центральными персонажами самой Торы, на языке оригинала которой они, кстати, зовутся «ЛеА» и «РахЕль»! Может быть, и Данте был так люб Мандельштаму не только из-за своей поэтической гениальности и чарующей прелести итальянского языка, но и – в не меньшей степени! – из-за

⁶ Там же. С. 192. Приведем список из собрания В.П. Абрамова, где акrostиха последнего четверостишия основного варианта нет, зато появляется слово «европейской мысли» на месте нейтральной «Толпы умов, влияний, впечатлений...»:

И европейской мысли разветвленье
Он перенес, как лишь могущий мог:
Рахиль глядела в зеркало явления,
А Лия пела и плела венки (Там же. С. 489).

⁷ *Мандельштам О.* Указ. соч. Т. 2. С. 215.

⁸ Там же. Т. 1. С. 227.

бóльшей своей близости к Первоисточнику, несравненно бóльшей, чем могла бы к нему когда-либо прикоснуться мандельштамовская современность? Вероятно, эта тема возникла, среди прочего, в беседах с Андреем Белым (автором «Глоссолалии», где обсуждается символика звуков первой строки Торы на иврите, т. е. Берешит (Книга Бытия)!) летом 1933 г. в Крыму, в доме отдыха писателей, где М. работал над «Разговором о Данте». Кажется, она прямо прописана в тексте:

Огромная взрывчатая сила Книги Бытия – идея спонтанного генезиса со всех сторон наступала на крошечный островок Сорбонны, и мы не ошибемся, если скажем, что Дантовы люди жили в архаике, которую по всей окружности омывала современность, как тютчевский океан объемлет шар земной. Нам уже трудно себе представить, каким образом... вся библейская космогония с ее христианскими придатками могла восприниматься тогдашними образованными людьми буквально – как свежая газета, как настоящий экстренный выпуск.

И если мы с этой точки зрения подойдем к Данту, то окажется, что в предании он видел не столько священную его, ослепляющую сторону, сколько предмет, обыгрываемый при помощи горячего репортажа и страстного экспериментирования⁹.

Вероятно, потому-то она и попала в стихи на смерть Белого.

Создается ощущение, что здесь автор говорит и о себе тоже, как вообще зачастую происходит в «Разговоре о Данте». Правда, Мандельштам, к тому же, ощущал еще и родовую, кровную – и уж точно не менее страстную, чем дантовская! – связь с библейскими текстами.

Итак, в свете сказанного, акrostих «ТОРА» вполне мог оказаться неслучайным¹⁰.

2. *«Я в львиный ров и в крепость погружен»*¹¹

Это стихотворение «о певиче с низким голосом» содержит сразу три страстных библейских образа. «Львиный ров» – это пророк

⁹ Мандельштам О. Указ. соч. Т. 2. С. 181–182.

¹⁰ Укажем на статью, где постулируется вслед за К. Тарановским связь Писания и Данта, но с выводом, прямо противоположным нашему – не надо выводить Лию и Рахель этого стихотворения из Библии: [Безродный 2010, с. 216–218], однако в этой статье акrostих окончательного варианта ТОРА не учтен, что уменьшает убедительность этой трактовки, делая ее более уместной для отброшенного поэтом варианта.

¹¹ Мандельштам О. Указ. соч. Т. 1. С. 1, 227.

Даниил¹², причем в первом лице: поэт слился со своей метафорой, почти физически погрузившись в толщу времен. «Пятикнижие» – оно и есть Тора, как отмечалось выше. А вот с «праматерью» дело обстоит не так просто. Певица, радиоголос которой вдохновил Мандельштама на это стихотворение, – известнейшая в свое время чернокожая американка Мариан Андерсон¹³. Но дело тут не в имени, и даже не в мировой известности, а именно в цвете кожи. К строке «Богатых дочерей дикарско-сладкий лик...» имелся вариант, контрастно подчеркивающий этот момент: «Всех **белых** дочерей дикарско-сладкий лик / Не стоит твоего – *праматери* – мизинца»¹⁴. И почему-то лишь немногие помнят (и Мандельштам в их числе!), что прекрасная ШуламИт (СуламИта) – первейшее и оригинальнейшее воплощение женской красоты, прелести, любви и страсти – была негритянкой: «Дочери Иерусалима! *Черна* я, но красива, как шатры КедАра, как завесы Соломоновы. Не смотрите на меня, что я *смугла*, ибо солнце опалило меня» (Песнь песней Соломона 1:4-5)¹⁵. Вот потому-то она и «праматерь», а все, родившиеся вслед за ней, – только подобья. Потому-то ШуламИт, поющая по радио завораживающе-чернокожим голосом Мариан Андерсон, – не что иное, как «восторг вселенский»!

3. «Нет, не мигрень...»¹⁶ – пунктир автобиографии и истории еврейского народа

Я читаю Мандельштама уже 50 лет, но понимание этого давно любимого стихотворения пришло относительно недавно. Началось оно со строки: «Небо, как палица, грозное, земля, словно плешина, рыжая...» Возможно там, где-то под «палицей», прячется «палец», а точнее – «перст Божий» (раз уж тут фигурирует Небо), поскольку дело явно идет о судьбе? И перст-то он, конечно, перст, но какой? «Грозный, как палица». Значит, вероятно, наказующий? Или – угрожающий? Или, может быть, указующий? Или и то, и другое?

Тут на помощь приходит язык иврит. Оказывается, слова «Бог» – אֱלֹהִים и «палица» – אֵלָה – пишутся абсолютно одинаково,

¹² <https://www.bible-center.ru/ru/bibletext/da/6:1-28>

¹³ Marian Anderson (1897–1993) – певица с богатым и очень низким контролем.

¹⁴ Мандельштам О. Указ. соч. Т. 1. С. 655. – – –

¹⁵ שְׁחֹרָה אֲנִי וְנֹאדָה, בְּנוֹת יְרוּשָׁלַם; כְּאַהֲלֵי קֶדֶר, כִּירִיעוֹת שְׁלֵמָה. אֶל-תְּרַאנִי שְׁאֲנִי שְׁתַּחֲרַת, שְׁשֻׁפְתֵּי הַשָּׁמַשׁ. (שִׁיר הַשִּׁירִים א, ה-ו).

¹⁶ Мандельштам О. Указ. соч. Т. 1. С. 159.

т. е. содержат идентичные согласные. Отличаются они только огласовками, которые при обычном письме принято опускать. Налицо тождество: оказывается, «Небо» и есть «палица»! Короче, речь идет об *указе и принуждении*, пейзаж исполнения которого рисуют следующие слова: «... земля, словно плешина, рыжая...» Что это, как не пустыня? И не блуждания по ней, длившиеся долгих 40 лет?

Итак: Господь повелел евреям в течение сорока лет странствовать по пустыне. Вот о чем здесь речь. И если бы при таком прочтении названной строки могли возникнуть сомнения, они, скорее всего, рассеются при внимательном взгляде на вторую (двустрочную) строфу данного стихотворения:

Жизнь начиналась в корыте картавую мокрою шопотью,
И продолжалась она керосиновой мягкой копотью.

Ее можно понимать двояко. Во-первых, это самые ранние воспоминания еврейского ребенка. Его моют в корыте, ласково шепча ему что-то с характерным гортанным акцентом, скорее всего, на идиш. И «керосиновая копоть» – это, конечно же, тоже вполне еврейская детская «сажа» из «Египетской марки»:

Больше всего у нас в доме боялись «сажи» – то есть копоти от керосиновых ламп. Крик «сажа» – «сажа» звучал как «пожар», «горим» – вбегали в комнату, где распалилась лампа. Всплескивая руками, останавливались, нюхали воздух, весь кишевший усами, живыми порхающими чайниками¹⁷.

Но, во-вторых, как ни странно, строка «Жизнь начиналась в корыте...» – это еврейский мидраш. Данный образ призван показать, что жизнь младенца-Мандельштама и жизнь евреев как единого народа начинались одинаково – «в корыте». А точнее, под сенью (угрожающе нависшего!) «корыта», в форму которого Бог преобразовал гору Синай, накрыв ею всю массу евреев, вышедших из Египта, в качестве крайнего ультиматума: «Склонил / навесил / опрокинул над ними гору, как корыто». (Вариант перевода: «Навязал им гору, как лохань [нависшую над ними угрозой мгновенной гибели]») (Вавилонский Талмуд, трактат Шабат, 88а)¹⁸.

Объяснимся: перед нами комментарий мудрецов Талмуда к центральному событию в еврейской истории и религии – Синайскому откровению. Именно тогда еврейский народ и был создан актом добровольно-принудительного принятия на себя заповедей Торы. А еще точнее, мы говорим о комментарии к стиху «И раз-

¹⁷ *Мандельштам О.* Указ соч. Т. 2. С. 288.

¹⁸ כפה הקדוש ברוך הוא עליהם את ההר כגיגית, ואמר להם: אם אתם מקבלים התורה – מוטב, ואם לאו – שם תהא קבורתכם. (בבלי, מסכת שבת – דף פח, עמוד א).

местились у подножия горы...» (Шмот (Исход) 19:17)¹⁹. Тракта́т Шабат поясняет идиоматическое выражение «опрокинул над ними гору, как корыто»²⁰ так: «Будет лучше, если примете Тору, иначе здесь будет ваша могила». Причем Тора была дана именно принудительно, под страхом смерти, несмотря на то что евреи сами изъявили желание ее принять. Расширенный комментарий говорит следующее: «Сыны Израиля получили Тору таким образом, чтобы она их всегда обязывала, даже если наступит время, когда у них уже не будет столь отчетливого осознания [что Тора дана им Всевышним]. Во время дарования ее на горе Синай они клятвой и *проклятием* приняли Тору – приняли на себя обязанность выполнять ее заповеди под страхом наказания, даже если не удержатся на том духовном уровне, на котором были тогда. Ведь у горы Синай все люди были как ангелы, “исполняющие слово Его, повинующиеся голосу слова Его” (Теилим, 103:20 (Псалмы 102:20))».

Вот в каком «корыте» начиналась жизнь еврейского народа — и еврея Осипа Мандельштама тоже.

И вот, в уже достаточно страшном советском 1931 г., поэт в том же стихотворении провидит будущее, ставшее для ряда граждан страны вполне настоящим:

«Пахнет немного смолою...» — это, конечно, лагеря, Соловки, где идет человекоубийственный лесоповал, а древесной смолой пахнут срубленные стволы. Да и «тухлая ворвань» тоже, пожалуй, оттуда же.

Дальше — еще не припомню — и дальше как будто оборвано:

Пахнет немного смолою да, кажется, тухлою ворванью...

Осталось отметить только две небольших, но существенных детали. «Ментоловый карандаш» можно было бы легко назвать МЕМЕНТОловым («вспоминательным») — латинское слово *temento* означает «вспоминай», «помни». Дело ведь вовсе не в мигрени, что в стихотворении настойчиво утверждается трижды. Названный «карандаш» — не что иное, как «магический объект», проектор индивидуальных и родовых исторических воспоминаний. Вариант раннего черновика: «Сонным обзором я жизнь воскрешаю...»²¹

¹⁹ וַיִּתְּצֵבּוּ בְתִּהְיִית הָהָר (שמות יט יז).

²⁰ כָּפָה עַל-... [פְּלוּגִי] הָר כְּגִיּוֹת — букв.: «Накрыл кого-либо горой, как лоханью». Эта идиома существует и в современном иврите, в значении: «осуществлять на кого-либо сильнейшее давление».

²¹ Мандельштам О. Указ. соч. Т. 1. С. 476.

А «свист разрываемой марли» – авторская подпись, чуть ли не юридическое заверение подлинности всего сказанного выше: «Есть темная, с детства идущая, геральдика нравственных понятий: шварк раздираемого полотна может означать честность и холод мадаполама – святость» («Египетская марка») ²².

4. «Канцона»²³ – провиденциальное восхождение в Страну Израиля. «СелаА» и «сЭла»

О «Канцоне» немало написано, притом что Н.Я. Мандельштам, вероятно, первой указала на ее индивидуально-сионистскую сущность. Здесь «Мандельштам назвал страну, куда он рвался. Он ждал встречи с начальником евреев. Следовательно, умозрительное путешествие совершается в обетованную страну» ²⁴. Еще и Тарановский справедливо отметил [Taranovsky, с. 96] мандельштамовское восьмистишие²⁵, где содержится прямое указание на реальную, практическую халуцианскую (т. е. пионерскую, как тогда называли первых поселенцев) деятельность евреев Палестины. Но, кажется, «Канцона» – единственное стихотворение во всем корпусе мандельштамовских текстов, где встречается слово, взятое из языка иврит и транслитерированное кириллицей: «села». Появляется оно в пятой строфе, представляющей собой, по нашему разумению, центр тяжести всего стихотворения:

Я покину край гипербореев,
Чтобы зреньем напитать судьбы развязку,
Я скажу «селаА» начальнику евреев
За его малиновую ласку.

В мандельштамовском двухтомнике (Mandelstam 1990/1) имеется следующий комментарий: «СелаА – древнееврейское слово, обозначающее паузу при исполнении псалма или молитвы, подчеркивающее такие чувства, как благодарение и превознесение Всевышнего, и мольбу о Его помощи и защите». Но как раз наиболее подходящее к контексту стихотворения значение слова «селаА» в данном комментарии не указано: «навсегда», «навек», «вовеки веков». А встречается оно, именно в таком значении, в еврейской

²² Там же. С. 277.

²³ Там же. Т. 1. С. 161.

²⁴ Кузин Б. Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н. 192 письма к Б.С. Кузину. СПб.: ИНАПРЕСС. 1999. С. 618.

²⁵ Там же.

литургии вообще, и в частности в главной, обязательной, ежедневно-трехразовой молитве «Амида»²⁶:

Ты свят, и Имя Твое свято, и святые каждодневно славят Тебя **вовек**
веков²⁷.

Но, по нашему разумению, никак не похоже, чтобы «начальник евреев» имел какое-либо отношение к евангельской притче о «возвращении блудного сына», как утверждает Н.Я. Мандельштам в той же главе своей книги²⁸. Нам представляется, что Мандельштам ведет здесь речь о человеке из плоти и крови, экилархе, называвшемся когда-то по-арамейски «реш галута», что означает «глава диаспоры». Причем двукратное упоминание «псалмопевца» и «царь-Давида» в двух соседних строфах (третьей и четвертой) – неслучайно именно потому, что неизменно высоко уважаемый всеми, в том числе и нееврейским окружением, «реш галута» должен был, согласно традиции, обязательно происходить из рода Давида. И не зря именно «псалмопевец» вручает «прозорливцу»-поэту свой уникальнейший дар – магический «бинокль» – «силой зренья» которого тот и совершает вожделенное восхождение в Страну, тем самым замыкая круг.

Единственная загвоздка заключается в том, что на иврите ударение в слове «села» всегда падает только на первый слог: «сЭла». Но, по сравнению с лексическим и культурным весом самого слова, такая просодическая деталь – не более чем легко поправимая мелочь. Поэтому, чисто теоретически, можно было бы предложить поэту простую перестановку в строке – без всякого ущерба для сути и звучания «Канцоны», но с единственной целью – сохранить правильное ударение:

* «сЭла», – я скажу начальнику евреев
За его малиновую ласку*.

Однако, например, Тарановскому вышеприведенный литургический смысл слова «села» («навсегда», «вовек веков»), видимо, известен не был. Исследователь считал, что

...значение ивритского слова [вообще] неясно. В латинской и церковнославянской Библии это восклицание пропущено, но в русском

²⁶ Электронная еврейская энциклопедия ОПТ: <https://eleven.co.il/>; верное значение со ссылкой на Ю.Л. Фрейдина см.: Мандельштам О. Указ. соч. Т. 1. С. 603.

²⁷ "אַתָּה קְדוֹשׁ וְשִׁמְךָ קְדוֹשׁ וְקְדוּשִׁים בְּכָל יוֹם יְהִלְלוּךָ מְלֶכֶּה" (מתוך תפילת העמידה).

²⁸ Кузин Б. Указ. соч. С. 619–624.

перевode псалмов восстановлено как *села*. Ясно, что русский текст Библии был источником для Мандельштама. Для него *села* тоже было «блаженным, бессмысленным словом» [Тарановский, с. 104].

А нам этот момент вовсе не так уж ясен. Тарановский не считал нужным обратиться к текстам еврейской литургии. Мы же считаем, что они, пусть иногда и «понаслышке», но были известны Мандельштаму намного лучше, чем это принято думать среди исследователей.

5. *«Может быть, это точка безумия...»*²⁹ –
след еврейской литургии и традиции.
«Узел жизни», «дом живущих, дом жизни»

Уже первые строки этого стихотворения многим представлялись загадочными:

Может быть, это точка безумия,
 Может быть, это совесть твоя –
 Узел жизни, в котором мы узнаны
 И развязаны для бытия.

«Безумия», если честно, там немного. Вероятно, оно – лишь псевдоним чего-то другого. Попробуем понять, чего. «Совести» ли? – Возможно. Причем, как увидим ниже, – скорее всего, «совести» еврейской: возможно, здесь высказано некое пожелание, обращенное к будущей вдове поэта.

А вот «*узел жизни*» – явный след еврейского похоронного ритуала и поминальной молитвы. Это – дословный перевод знакового ивритского словосочетания **צֶרֶוֹר הַחַיִּים**.

Всякий, побывавший на еврейском кладбище, видел на надгробьях аббревиатуру: **ה.ב.צ.ו.ל.ה.** Раскрывается и переводится она так: «Да будет душа его/ее увязана в **узел жизни**»³⁰. Это – стих из надгробной молитвы «Эль малэ рахамим»³¹. В последние годы мне казалось, что всякий, кто любит, знает и помнит стихи Мандельштама, должен при виде букв **ה.ב.צ.ו.ל.ה.** немедленно подумать о стихотворении «Может быть, это точка безумия...». Но так не происходило, и не раз приходилось повторять этот «мой мидраш» заинтересованным друзьям и знакомым – особенно

²⁹ Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: В 3-х т. М., Прогресс-Плеяда. 2009–2011. Т.1. С. 235.

³⁰ תְּהֵא נִשְׁמָתוֹ/הָ צֶרֶוֹרָה בְּצֶרֶוֹר הַחַיִּים (מִן הַתְּפִילָה אֶל מֶלֶא רַחֲמִים).

³¹ Электронная еврейская энциклопедия OPT: <https://eleven.co.il/>

при посещении раз в год могилы Майи Каганской на Масличной горе в Иерусалиме.

К сожалению, на ее надгробье нет ивритских букв *.מ.י.א.ל.ל.*. Там только по-русски выгравировано ее имя с датами и – начальная строфа стихотворения «Когда Психея-жизнь спускается к теням»³². Зато ивритские буквы есть на всех надгробьях вокруг. Мы читаем «Кадиш» и «Эль малэ рахамим», где Каганская названа своим ивритским именем: Майя бат Элиэзер. Как сказано в начале статьи, Майя стала первым исследователем, указавшим на стержневую еврейскую составляющую поэтики Мандельштама.

Тут я вынужден сделать автопризнание. Прежде всего сильнейший ранний ожог Мандельштамом (с подросткового возраста и на всю жизнь), и как результат – сорокалетние дружба и сотрудничество с Майей Каганской (вплоть до ее смерти в 2011 г.), пятилетняя дружба с «ясной Наташей» – Натальей Евгеньевной Штемпель (до моего отъезда в Израиль в 1976-м) и встреча с Н.Я. Мандельштам в январе 1974-го в Москве, – сформировали глубинное ядро моей собственной индивидуальной личности. Поэтому любой мой текст о Мандельштаме, включая переводы на иврит его стихов и прозы, вместе с комментариями к ним, – является в какой-то мере и автобиографией.

И поэтому же свое краткое предисловие-некролог к републикации в Москве Майиных воспоминаний о Н.Я. Мандельштам я и озаглавил «*Узел жизни*, в котором мы узнаны...»³³. А как именно мы в нем «развязаны для бытия» – показывает моя собственная биография. Но в той публикации было неуместно разъяснять смысл глубоко-еврейской ментальной генетики столь частного моего заголовка – ведь вся та книга посвящена Н.Я. Мандельштам и воспоминаниям о ней.

А вот на днях мне довелось обнаружить³⁴, что до мандельштамовского «*узла жизни*» уже несколько лет назад основатель-

³² Мандельштам О. Указ. соч. Т. 1. С. 109.

³³ Криксунов П. «Узел жизни, в котором мы узнаны...» // «Посмотрим, кто кого переупрямит...»: Н.Я. Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах. М.: АСТ, 2015, С. 585–591.

³⁴ К счастью, поток работ о Мандельштаме (и его еврействе, в частности) в последние годы столь широк, что охватить его весь целиком не представляется возможным. И, может быть, в эту минуту его на научный язык «японец какой переводит, и в самую душу проник»! Поэтому, извиняюсь заранее, если не учел здесь каких-либо книг или статей с теми же примерами, что у меня. Справедливый призыв оставил благодарным потомкам в свое время великий Козьма Прутков: «Плюнь в глаза тому, кто скажет, что можно объять необъятное!»

нейшим образом добрался Михаил Носоновский [Носоновский 2016]. В статье он справедливо отметил, что «*узел жизни*» (צֶרֶר הַחַיִּים) в еврейской традиции – это вместилище душ под Престолом Славы Господней. Немедленно меня поразило тот факт, что еще кто-то в мире, кроме меня, коснулся столь интимной точки в мандельштамовском стихотворении. Но это только к лучшему: изложенное в его обширной статье можно будет дополнить здесь тем важным (на мой взгляд), что необходимо еще сказать о поэтике позднего Мандельштама.

Печальный, прекрасный, радикально двойственный по своей природе и обязательно «дантовский» факт состоит в том, что в Воронеже было написано немало «посмертных» стихов. Мандельштам создал в них свой особый жанр двойственного «автопост-мортема». Природа его двойственна тем, что в таких стихах *дейтельно живут* потусторонность с посюсторонностью одновременно, вместе. Жизнь живет в смерти, а смерть – в жизни. «Может быть, это точка безумия...» – ярчайший представитель этого жанра, возможно даже – поэтическое завещание. Его «дантовскость» вполне ощутима и по этому стихотворению, но на поверхность она выведена в несомненно парном³⁵ к нему «Я скажу это начерно, шопотом...»³⁶, завершающемся строфой: «И под временным небом **чистилица** / Забываем мы часто о том, / Что счастливое небохранилице – / Раздвижной и *прижизненный дом*».

А что это за «прижизненный дом» за такой? А это еврейский традиционный поэтический эвфемизм, означающий не что иное, как «кладбище»³⁷ – בֵּית הַחַיִּים, что переводится буквально как «дом живущих», или «дом жизни». Он замечателен своей лаконичнейшей внутренней «оксюморонностью», характерной для мандельштамовской поэтики вообще. А ведь этот самый «дом» присутствует и в «Может быть, это точка безумия...», с которого мы начали! Вот он где: «...*Соберутся, сойдутся* когда-нибудь, / Словно гости с открытым челом, – // Только здесь, на земле, а не на небе, / *Как в* наполненный музыкой *дом*...» И это потому, что в книге Иова (30:20) имеется другой – близкий – эвфемизм для кладбища: «*дом собрания всех живущих*»³⁸.

И весь фокус в том, что эта деятельная посмертная жизнь вообще несколько не страшна! Нет, она на удивление нежна и – более того! – глубоко интимна. В самом деле, есть ли на свете что-нибудь

³⁵ Общеизвестно, что Мандельштам имел обыкновение писать стихи «двойчатками», а иногда и целыми «грибницами».

³⁶ Мандельштам О. Указ. соч. Т. 1. С. 233.

³⁷ Электронная еврейская энциклопедия OPT: <https://eleven.co.il/>

³⁸ כִּי-יָדַעְתִּי, מֵוֶת תִּשְׁיַבְנִי וּבֵית מוֹעֵד לְכָל-חַי (איוב ל כג).

более личное, более строго-индивидуально интимное, чем смерть? Кстати, интимность стихов этого жанра сам Мандельштам подчеркивал, называя их «*постельными*». Кажется, здесь налицо явно иронический авто-эвфемизм: «*постель*», «*ложе*» – на иврите מִשְׁכָּב (см. ниже, в конце поминальной молитвы «Эль малэ рахамим»). Хотя в комментариях Н.Я. Мандельштам это определение относится к другому стихотворению – «О, как же я хочу...»³⁹ – оно, несомненно, подходит и ко всем прочим стихам с похожим настроением.

Всякий внимательный читатель, прочитав воронежские стихи подряд, немедленно отметит среди них обилие «посмертных», начиная от «Да, я лежу в земле...»⁴⁰ и кончая «любовными» стихами к Н.Е. Штемпель⁴¹. Мы не станем заниматься ими всеми, а лишь отметим отдельно то яркое стихотворение этого жанра, где Данте назван прямо: «Слышу, слышу ранний лед...»⁴²

При всем при том в этом замечательном жанре «дантовская» тема буквально сплавлена с еврейской, как мы отметили выше в истории с акростихом «ТОРА».

Возвращаясь к «Может быть, это точка безумия...», подчеркнем, что в одно это стихотворение попали сразу две «посмертных» еврейских идиомы: «**узел жизни**» и «**дом живущих**» («дом жизни»).

Но теперь подошло время попытаться мотивировать именно еврейский характер «совести», упомянутой там во второй строке. Нам представляется, что здесь заключена заветная и интимная просьба к своей будущей вдове о прочтении еврейских молитв на могиле. По крайней мере, одной из них. Той самой, где «*узел жизни*».

Насколько это было реально, даже просьба заказать Кадиш, сказать невозможно. Но в духовном мире поэта эта мысль явно присутствовала.

«Эль малэ рахамим»

Ниже приводим текст поминальной молитвы с полным еврейским именем поэта, завершая на этом наш краткий и неполный экскурс по еврейским «инкрустациям» у Мандельштама. Нам думается, что поэт, хотя бы иногда смутно, но помнил иврит и имел некоторое представление о еврейской литургии на этом языке.

אֵל מְלֵא רַחֲמִים שׁוֹכֵן בְּמִרְוָמִים, הַמְצִיא מְנוּחָה נְכוֹנָה עַל כַּפֵּי הַשְּׂכִינָה, בְּמַעְלוֹת קְדוֹשִׁים וְטְהוֹרִים כְּזֹהֵר הַתְּרָקִיעַ מְזֻהָרִים, לְנִשְׁמַת יוֹסֵף בֶּן יִחְזַקְאֵל שְׁהִלָּה לְעוֹלָמוֹ. <...> בְּגֵן עֵדֶן תִּהְיֶה מְנוּחָתוֹ. לָכֵן בְּעַל הַרְחָמִים יִסְתִּירֵהוּ בְּסֶתֶר כְּנָפָיו לְעוֹלָמִים, וְיִצְרֹר בְּצִרְוֹר חַיִּים אֶת נִשְׁמָתוֹ. אֲדֹנָי הוּא נִחְלָתוֹ, וְיָנוּחַ בְּשָׁלוֹם עַל מִשְׁכְּבוֹ, וְנֹאמַר אָמֵן!

³⁹ Мандельштам О. Указ. соч. Т. 1. С. 239.

⁴⁰ Там же. С. 199.

⁴¹ Там же. С. 244.

⁴² Там же. С. 220.

Транслитерация (с ударениями):

Эль малЭ рахамИм, ШохЕн ба-меромИм, һамцЕ менухА нехо-
 на аль канфЕй һа-ШхинА, бе-маалОт кдошИм у-теһорИм, ке-
 зОһар һа-ракИа мазһирИм, ле-нишмАт **Йосеф бен Йехезкель**
 ше-һалАх ле-оламО... бе-ГАН Эден теһЕ менухатО. ЛахЕн Бааль
 һа-рахамИм ястирЭһу бе-сЭтер кнафАв ле-оламИм, ве-йицрОр
 би-црОр *һа-хайИм* эт нишматО. АдонАй һу нахалатО, ве-янУах бе-
 шалОм аль мишкавО, ве-номАр амЕн!

Перевод:

Бог Всемиловитый, обитающий в высях! Дай обрести покой,
 уготованный под крылами Шхины [Обетования] на ступенях
 святых и чистых, лучащихся сиянием небосвода, – душе **Йосефа**
бен Йехезкеля [Осипа Эмильевича Мандельштама], отошедшего
 в вечность. <...> Да обретет он покой в Саду Эденском. Посему да
 укроет его Властелин милосердия под сенью крыл Своих навеки и
 в *узел жизни* да увяжет душу его. В Господе удел его. Да почует он
 на ложе своем в мире. И скажем: Амен!

Литература

- Безродный 2010 – *Безродный М.* «Он дирижировал...»: Материалы к комментарию [Электронный ресурс] // *Toronto Slavic Quarterly*. № 32. Spring 2010. P. 217–218. URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/32/tsq_32_bezrodnyj.pdf (дата обращения 6 мая 2019).
- Каганская 2014 – *Каганская М.* Осип Мандельштам – поэт иудейский // Каганская М. Апология жанра. М.: Текст, 2014. С. 229–247.
- Носоновский 2016 – *Носоновский М.* «Узел жизни, в котором мы узнаны и развязаны для бытия» – от эпиграфики к Мандельштаму и обратно // Заметки по еврейской истории. № 7 (193) июль 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://berkovich-zametki.com/2016/Zametki/Nomer7/Nosonovsky1.php> (дата обращения 6 мая 2019).
- Тарановский 2000 – *Тарановский К.* О поэзии и поэтике. М.: Языки русской культуры, 2000.

References

- Bezrodnyi, M. (2010), “On dirizhiroval...”: Materialy k kommentariyu” [“He conducted ...”: Materials on the commentary], *Toronto Slavic Quarterly*, no. 32, Spring, pp. 217–218, [Online], available at: http://sites.utoronto.ca/tsq/32/tsq_32_bezrodnyj.pdf (Accessed 6 May 2019).
- Kaganskaya, M. (2014), “Osip Mandelstam – Judaic Poet”, *Kaganskaya M. Apologiya zhanra* [Apology of the genre], *Tekst*, Moscow, Russia, pp. 229–247.

Nosonovskii, M. (2016), “‘The knot of life in which we are recognized and untied for being’ – from epigraphy to Mandelstam and vice versa”, *Zametki po evreiskoi istorii* [Notes on Jewish history], no7 (193) July, [Online], available at: <http://berkovich-zametki.com/2016/Zametki/Nomer7/Nosonovsky1.php> (Accessed 6 May 2019).

Taranovskii, K. (2000), *O poezii i poetike* [On Poetry and Poetics], Yazyki russkoi kul'tury. Moscow, Russia.

Информация об авторе

Петр Криксунов, переводчик, независимый исследователь, Иерусалим, Израиль; peterkriksunov@gmail.com

Information about the author

Petr Kriksunov, interpreter, independent researcher, Jerusalem, Israel; peterkriksunov@gmail.com